

Для настоящего малатана нужны и острота, и жгучее покалывание, но в эту эпоху найти привычный красный перец было невозможно. Впрочем, Ван Ин вскоре обнаружил, что деревенские жители всю используют замену — чжуй.

Чжуй бывает трех видов: лекарственный, горный и съедобный. Именно съедобный чжуй обладал той самой желанной остротой.

Эта приправа оказалась даже ядренее обычного перца. Как-то раз Ван Ин купил немного на пробу и по неосторожности коснулся пальцем лица во время готовки — в тот день слезы и пот лились из него ручьем. Сегодня же для малатана эта жгучесть пришлась как нельзя кстати.

Он готовил северо-восточный малатан — такой, какой когда-то продавали у ворот его университета. Помимо привычных овощей, Ин собственноручно приготовил рыбные и бараньи шарики.

Рыбу наловил старейшина Лян. В последнее время старик пристрастился к рыбалке: едва закончив обедать, он отправлялся к ближайшей речушке с удочкой. Улов у него всегда был богатым, да только рыбешки попадались мелкие — костей много, а мяса на один зуб. Ван Ин их просто вычистил, измельчил в нежный фарш и скатал сочные тефтели.

В качестве основы он использовал обжаренную в масле лапшу. По вкусу она напоминала лапшу быстрого приготовления, но при варке становилась куда более упругой и сытной.

За ужином старик уплеп две огромные чаши и, облизывая ложку, с восторгом заключил:

— Невероятно... Этот ваш малатан и впрямь божественен!

Ван Ин решительно забрал у него пустую посуду, не давая положить добавку:

— Раз понравилось, я приготовлю еще завтра. Не стоит переждать на ночь, а то тяжесть в желудке спать не даст.

Лян Боцин жалобно посмотрел на котел, вытирая бороду платком:

— Тогда смотри, не забудь, что обещал.

Юноша лишь неловко улыбнулся. Кто бы мог подумать, что великий ученый окажется таким неисправимым гурманом.

После трапезы все трое вместе со старейшиной вышли в сад, чтобы немного прогуляться. Майский вечерний ветер приносил приятную прохладу. Должно быть, из-за паров серы от горячих источников в саду не было ни одного комара — лишь сверчки неустанно надрывали глотки в траве.

— Письмо из Шаньчжоу... вы все его читали? — внезапно спросил Лян Боцин.

— Читали, — хором ответили юноши.

— И что вы об этом думаете?

В наступившей тишине каждый ждал, что скажет наставник.

— У Чжэнхэ возникли трудности. Вам всё равно делать нечего, так почему бы не пораскинуть мозгами и не помочь ему добрым советом?

Первым заговорил Цинхуай:

— Считаю, что прежде всего нужно заняться искоренением банд. Остатки мятежных армий прошлых лет осели в Шаньчжоу, Ланьчжоу и Линчжоу. К тому же там полно племен ху и ди — они не нашего рода-племени и не желают подчиняться законам. Если пустить всё на самотек, со временем это обернется великой бедой.

Старик погладил бороду, не говоря ни «да», ни «нет», и повернулся к остальным:

— А вы двое что скажете?

Чэнь Цинсун подал голос:

— Думаю, брат прав. Однако сперва стоит попробовать политику амнистии. Если не сложат оружие добром, тогда уже подавлять силой.

Чэнь Цинъянь долго размышлял, прежде чем заговорить:

— Мне кажется, доводы братьев не совсем верны. Согласно хроникам, Шаньчжоу еще со времен династии Суй был землей ханьцев и звался округом Пинси. Хоть он и граничит с заставами, большинство населения там — наши люди.

Он перевел дыхание и продолжил:

— В разбойники они уходят не от хорошей жизни, а от нужды. В Шаньчжоу царит засуха,

урожаи скудны, и когда народу нечего есть, грабеж становится единственным способом выжить.

Взглянув на Лян Боцина и убедившись, что тот слушает внимательно, Цинъянь добавил:

— Амнистия или карательные походы дадут лишь временный покой. Пока люди голодают, они снова возьмутся за ножи. Лишь дав народу способ прокормиться, можно достичь вечного мира.

Тот одобрительно кивнул:

— Ты зришь в корень. Но есть ли у тебя решение?

— Ученик слишком ограничен в знаниях... я пока не придумал, как это изменить.

Ван Ин, слушавший их в стороне, вдруг подал голос:

— На самом деле, это не так уж сложно.

Лян Боцин не выказал пренебрежения из-за того, что перед ним гэ'эр, напротив, в его глазах вспыхнул интерес:

— О? Поведай нам.

Шаньчжоу в его представлении был аналогом современной провинции Цинхай. Климат там резко континентальный: один урожай в год, и тот постоянно под угрозой засухи, града или заморозков. Один стихийный набег природы — и крестьяне остаются ни с чем. Отсюда и нищета.

Раз сельское хозяйство не идет, нужно делать ставку на скотоводство и торговлю — именно они стали столпами экономики Цинхая в будущем.

— Земли Шаньчжоу суровы для пашни, — начал Ван Ин, — но тамошние пастбища богаты травой. Стоит сменить плуг на посох пастуха. Нужно разводить овец и развивать ткачество. Говорят, ткань из овечьей шерсти прочнее хлопка, она мягче и куда лучше держит тепло.

Он увлекся, описывая перспективы:

— Кожа и мясо тоже станут источником дохода. Что же до зерна, то Шаньчжоу соседствует с богатейшими житницами империи У. Если наладить торговлю, денег на покупку хлеба всегда хватит.

Наставник не ожидал от юного супруга Цинъяня столь глубокого и практичного видения. Это заставило его посмотреть на Ван Ина совсем другими глазами.

— Жаль, что ты родился гэ'эром, — вздохнул старик. — Иначе ты бы заткнул за пояс этих трех оболдуев.

Ван Ин лишь неловко почесал затылок. Он понимал, что пользуется знаниями из будущего, так что особой личной заслугой в этом не было.

— Всё, что вы сегодня сказали, я изложу в письме и отправлю Чжэнхэ. Пусть сам решает, что из этого пригодно для дела.

Время было позднее, и все разошлись по спальням. Чэнь Цинъянь всё еще ворочался, размышляя над проблемами дяди, и не давал Ван Ину уснуть, продолжая обсуждение.

— Брат, ты говорил о переходе к скотоводству... но как это воплотить в жизнь? И что делать с бандами в горах? Без безопасности никакой торговли не выйдет.

Ин уже клевал носом. Привалившись к плечу мужа, он пробормотал:

— Тут нужен метод кнута и пряника. Сперва — жесткое подавление: казнить самых отъявленных главарей, чтобы нагнать страху на остальных. А затем — милость и амнистия. Показать простым людям выгоду от мирной жизни, чтобы им и в голову не пришло возвращаться в леса.

— А дальше?

— Дальше... я очень хочу спать.

Муж перевернулся, нависая над ним и ласкаясь:

— Ин-гэ, ну расскажи еще немного...

От этих прикосновений Ван Ин окончательно проснулся. Не выказывая ложной скромности, он начал избавляться от одежды. Вскоре их тела сплелись, и руки заскользили по разгоряченной коже.

— С-си... помедленнее... — выдохнул Ин, пока Цинъянь входил в ритм. — Власти могут... ах... ввести льготы. К примеру, если семья держит десять овец — снизить подушный налог. За двадцать овец — освободить от трудовой повинности... М-м-м... Нужно собрать купцов для закупки шерстяного сукна... строить дороги, постоянные дворы... открыть торговые пути Лунси...

Дальнейшие рассуждения об экономике потонули в сбивчивом дыхании и гортанных столах страсти.

В деревне нет месяцев тоскливее мая — это пора тягчайшего труда. По ночам веет южный ветер, и пшеничные поля окрашиваются золотом.

Пшеница созрела. В этом году из-за весенней засухи урожай был почти на пятую часть меньше обычного. И это при том, что крестьяне не покладая рук поливали поля; не делай они этого — собирать было бы и вовсе нечего.

Однако один участок земли разительно отличался от прочих. Тугие, налитые колосья высились здесь гордой стеной, оставляя соседние поля далеко позади.

Когда Ван Ин пришел на свое экспериментальное поле ранним утром, он обнаружил там толпу народа.

— Что это вы все здесь собрались? — удивился он.

Чэнь Си ответил за всех:

— Слыхали мы, господин, что вы сегодня собрались жать на этом участке. Всем любопытно, сколько зерна выйдет.

Юноша рассмеялся:

— Ну, раз так, пусть самые крепкие помогут мне с жатвой!

Семь или восемь мужиков, вооружившись серпами, с готовностью шагнули в поле. Дело спорилось, и спустя час вся пшеница была срезана.

Колосья вязали в аккуратные снопы и складывали в стороне. Старые опытные крестьяне с одного взгляда могли прикинуть вес зерна.

— С одного му тут, верно, выйдет даней пять!

— Пять? Бери выше — все шесть будет! — раздались выкрики.

Шесть даней — это больше шестисот цзиней! Нужно понимать, что обычно с лучшего поля собирали от силы четыре дани. А в годы засухи или нашествия вредителей — хорошо если две-

три. С плохой же земли едва наскребали одну.

Эта пшеница не только выстояла в засуху, но и дала невиданный урожай — у людей просто глаза на лоб полезли!

На самом деле урожайность еще не достигла стандартов будущего. «Чанфэн-3» в современном мире давал до тысячи цзиней с му, но для эпохи без пестицидов и химических удобрений такой результат был просто феноменальным.

Но важнее всего было то, что пшеница показала себя в засуху даже лучше, чем во время испытаний. За всю весну прошел всего один дождь, а колосья стояли полными.

— Когда зерно просохнет, — объявил Ван Ин, — каждая семья получит по тридцать цзиней на семена. В следующем году засеем все поля этим сортом.

Крестьяне разразились ликующими криками. Они обступили его, восторженно размахивая золотистыми колосьями. Если с каждого му можно будет собирать столько зерна, значит, голод навсегда покинет их дома!

Лян Бочин, сидевший у реки с удочкой, поднял голову на шум:

— Что там за столпотворение?

Чэнь Цинъянь ответил:

— Ин сказал, что сегодня время жатвы. Должно быть, празднуют добрый урожай.

— Пойдем, поглядим.

Оставив ведра и снасти, они подошли к полю.

— Ван-лан, что за веселье у вас тут? — спросил старик.

— Господин Лян, урожай на этом поле выдался на славу. Я решил раздать семена жителям поместья, чтобы и у них в следующем году закрома ломились.

— На славу — это сколько же в цифрах?

— С одного му выходит около шести даней. А если год будет милостив к нам — может и до семи пойти, — Ван Ин старался не хвастаться, боясь сглазить.

Лицо Лян Боцина мгновенно посуровело.

— Ты не шутишь?

— Не смею лгать. Это озимая пшеница, мы посеяли её прошлой зимой. Она дает куда больше зерна, чем привычные сорта.

— Откуда у тебя такие семена?

— Я сам их вывел. Скрещивал разные виды и отбирал лучшие ростки, — Ван Ин не лгал. Это была его специализация в университете, и «Чанфэн-3» был плодом его долгих трудов по улучшению высокоурожайных сортов.

Наставник нахмурился, погружившись в думы.

Ван Ин невольно занервничал:

— Что-то... не так?

— Ты сможешь описать весь процесс выращивания и отбора семян? Подробно, на бумаге.

— Разумеется, — Ван Ин едва не рассмеялся. Это была его дипломная работа, он исписал тридцать страниц текста, который в прошлой жизни так и не пригодился.

— Запиши всё до мельчайших деталей. И оставь мне десять цзиней этого зерна!

— Слушаюсь.

В тот момент Ван Ин еще не осознавал, что значит для этой эпохи удвоение урожая пшеницы.

Лян Боцин вспомнил своего старого сокурсника, занимавшего пост Дасынуна — Великого министра земледелия. Когда-то в столице тот упоминал, что один из его подчиненных, выходец из простых людей, был возвышен до чиновника шестого ранга лишь за то, что умел выводить хорошие семена.

Если слова этого юноши подтвердятся, его талант окажется куда выше. С таким козырем в руках можно будет вымолить милость для Чэнь Циньяня гораздо раньше, чем через долгие годы ожиданий!

Вернувшись домой, Ван Ин за одну ночь составил описание процесса создания «Чанфэн-3», исписав добрый десяток листов. Чтобы не вызвать подозрений, он опустил все научные

термины будущего, оставив лишь базовые шаги скрещивания.

Но даже в таком виде это описание открывало перед людьми древности дверь в совершенно новый мир.

На следующий день наставник внимательно изучил записи. Хоть он и был далек от крестьянского труда, сложность и точность метода поразили его до глубины души.

— Где ты этому научился?

— Нигде... — Ван Ин замялся. — Просто много работал в поле, присматривался, думал... Само как-то пришло.

Тот щелкнул по листу бумаги:

— Почерк у тебя — курам на смех. Цинъянь, перепиши всё начисто за своим супругом и отдай мне.

Спустя всего несколько дней это письмо вместе с мешочком отборного зерна было отправлено скорым гонцом в самое сердце империи — в Киото.

<http://bllate.org/book/15812/1439337>